

его жизнь дает ему содержание — он является ее сосредоточенным отражением; но он так же мало способен написать панегирик, как и пасквиль... В конце концов — это ниже его. Подчиниться заданной теме или проводить программу — могут только те, которые другого, лучшего не умеют». Но как только в русской жизни появлялся среди образованных классов новый, выдающийся, тип мужчины или женщины, он немедленно овладевал вниманием Тургенева. Новый тип преследовал его, пока он не воплощал его в художественный образ; с Тургеневым в таких случаях повторялось то, что было с Мурильо, которого долгие годы преследовал образ Девы Марии в экстазе чистейшей любви, пока он наконец не воплотил этот образ в той высшей степени совершенства, которая была ему доступна.

Когда какая-нибудь жизненная задача овладевала, таким образом, умом Тургенева, он, очевидно, не мог трактовать ее, пользуясь формой холодного логического рассуждения, как это сделал бы публицист; он мыслил о своей задаче в форме образов и сцен. Даже в разговоре, если он желал дать вам идею о чем-либо, занимавшем в данное время его ум, он делал это путем образов, настолько живых, что они навсегда запечатлевались в вашей памяти. Эта же особенность является характерной чертой и его произведений. Его повести — это последовательный ряд сцен — некоторые из них поразительной красоты, — из которых каждая служит автору, чтобы прибавить еще новый штрих в характеристике его героев. Вследствие этого все его повести отличаются краткостью и не нуждаются в замысловатости сюжета для поддержания внимания читателя. Люди, испортившие себе вкус чтением сенсационных романов, будут, конечно, разочарованы при чтении романов Тургенева: в них нет сенсационных эпизодов, но всякий неглупый читатель чувствует с первых же страниц, что пред ним движутся реально существующие люди, и притом люди интересные, в которых бьются человеческие сердца, и он не может расстаться с книгой прежде, чем не дочитает ее до конца и не поймет во всей целостности характеры действующих лиц. Необычайная простота средств для достижения широко задуманных целей — эта главная черта истинного искусства — чувствуется во всем, что написал Тургенев.

Георг Брандес, в его прекрасном этюде о Тургеневе (в «*Moderne geisten*»), лучше, наиболее глубоко и поэтически из всего, что было написано о нашем великом романисте, делает, между прочим, следующее замечание:

«Довольно затруднительно определить, что собственно делает Тургенева первоклассным художником... Способность, отличающая истинных поэтов, которой Тургенев обладал в высшей степени, а именно — воспроизводить в образах живые человеческие личности, не является наиболее поразительной чертой его таланта. Художественное превосходство Тургенева более всего чувствуется в согласии собственных впечатлений читателя с тем интересом и с теми суждениями о действующих лицах, которые высказывает сам автор, так как именно в этом пункте — в отношении художника к своим собственным созданиям — чаще всего чувствуется слабость человека или художника».

Читатель тотчас замечает подобную ошибку и помнит о ней, несмотря на все усилия автора загладить впечатление.

«Какому читателю Бальзака, или Диккенса, или Ауэрбаха — если говорить лишь о великих покойниках — не приходилось испытывать этого чувства! — продолжает Брандес. — Когда Бальзак расплывается в подогретом возбуждении, или когда Диккенс становится ребячески-трогательным, или Ауэрбах — преднамеренно-наивным, читатель тотчас чувствует нечто неправдивое и неприятное. В произведениях Тургенева вы никогда не найдете ничего отталкивающего в художественном отношении».

Это замечание Брандеса совершенно справедливо, и нам остается прибавить к нему лишь несколько слов по поводу удивительной архитектуры всех Тургеневских повестей. Будет ли это небольшой рассказ или крупная повесть, соразмерность частей всегда бывает удивительно соблюдена; нет никакого эпизода «этнографического» характера, который нарушал бы или замедлял развитие внутренней жизненной драмы; ни одна черта, а тем более ни одна сцена не может быть опущена без ущерба впечатлению целого; а заключительный аккорд, который венчает общее впечатление — обыкновенно трогательное, — всегда бывает обработан с удивительной законченностью⁹

А затем — красота главных сцен! Каждая из них могла бы послужить сюжетом для высокохудожественной, захватывающей картины. Возьмите, например, заключительные сцены пребывания

---

⁹ Единственным исключением, пожалуй, является вводный эпизод о Фомушке и Фимушке в «Нови», совершенно лишний и неуместный в романе. Введение этого эпизода можно объяснить лишь литературным капризом автора.